

ОТЕЦ И СЫН ВЕЛИЖАНИНЫ

Андрей Петрович Велижанин родился в 1876 г. в Барнауле, в семье инженера-технолога. Окончил Барнаульское духовное училище, затем Томскую духовную семинарию (1896) и в том же году поступил на медицинский факультет Томского университета.

Почему сын инженера-технолога оказался в учебном заведении, предназначенном для детей духовенства, почему, будучи без пяти минут священником, круто изменил свою судьбу и начал все сначала, обо всем этом спросить уже некого. Возможно, увлекся модной в то время среди студенчества идеей «хождения в народ» и решил, что больше принесет пользы кормильцу-мужику как врач. Так это или не так, но по окончании университета Андрей Велижанин оказался в самой «гуще народной» – участковым врачом в селе Сорокино (ныне город Заринск), а позже – на той же должности – в Усть-Каменогорске и Зайсане (ныне оба этих города – в Республике Казахстан).

В феврале 1905 г., еще находясь в Сорокино, А. П. Велижанин стал членом Алтайского подотдела императорского Русского географического общества (ИРГО), а год спустя передал в музей подотдела собственноручно изготовленные им чучела глухаря и розового скворца.

Так началось его многолетнее сотрудничество с музеем подотдела (ныне – Алтайским государственным краеведческим). Особенно тесным оно стало после того, как в 1911 г. А. П. Велижанин переехал в Барнаул, где занялся частной врачебной практикой. Свободное же время проводил в музее. Он сформировал в нем орнитологический отдел, поддерживал его в образцовом порядке и периодически

пополнял. Всего он передал музею 188 изготовленных им птичьих чучел, из которых 150 сохранилось до сих пор. Достоинно удивления, как ухитрялся он совмещать это с непростыми обязанностями врача, а в 1921–1925 гг. даже с обязанностями главного врача губернской больницы!..

Объяснить это можно только великой любовью А. П. Велижанина к природе, особенно к пернатому его царству. В годы его детства и юности природа Алтай была не в пример богаче нынешней, еще не так «освоена» человеком. Рассказывают, тогда в Барнауле только ленивый не был охотником и рыболовом: столько дичи и зверя водилось в лесах, столько рыбы плескалось в Оби! Не стал исключением и Андрей Велижанин. В нем рано проснулся больше исследователь, чем добытчик. Особый интерес, как уже сказано, пробудился у него к пернатому царству. Так врач А. П. Велижанин стал виднейшим на Алтае орнитологом и таксидермистом.

Здесь, пожалуй, уместно привести воспоминания его дочери Людмилы Андреевны Оверко. Они были написаны по просьбе бывшего заведующего архивным отделом крайисполкома Владимиром Сергеевичем Петренко (ныне покойным), хранятся в его фонде и ранее не публиковались.

«...Отцу было 35 лет, когда в 1910 году погибла наша мама – Нина Александровна. Мы с Глебом остались сиротами, Глебу было шесть лет, мне – один годик. Жили мы в городе Зайсане, где отец работал врачом городской больницы.

Родственники настойчиво уговаривали отца отдать меня им, но он не согласился. Вырастила нас Полина Васильевна, ставшая в 1911 году женой отца. Она проявила большую преданность к нему, и к нам в нашей и в дальнейшем нелегко сложившейся жизни. Сиротства мы с братом не чувствовали, и я вспоминаю нашу вторую маму с большой любовью, нежностью и глубокой благодарностью. Она умерла уже в преклонном возрасте в Москве, где жила у дочери Калерии, нашей новой сестры.

В Барнауле отец работал главным врачом губернской больницы, был специалистом по детским внутренним болезням и туберкулезу. Принимал больных и дома в любое время суток. Его внимание к людям находило с их стороны отклик и признательность.

В нашей семье хранилась большая картина известного алтайского художника Андрея Осиповича Никулина с такой дарственной

надписью: «Дорогому Андрею Петровичу. Этот дар как выражение моего чувства благодарности за бескорыстную добросовестную врачебную помощь, спасшую меня в самые лихие дни моей жизни».

Здесь же – приписка его жены: «Присоединяюсь в этом даре дорогому и честному врачу. Маляева».

Отец любил стихи. Помню, как декламировал М. Ю. Лермонтова:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна...

Он хорошо играл в шахматы. Но самой большой его увлеченностью были охота и рыбная ловля. Он отдавал ей все свободное время, нередко уезжал на несколько дней в лодке или на лошади. Во время его сборов в доме царила необыкновенная суматоха: заряжались патроны, собиралась рыбная снасть, укладывались в рюкзак продукты, а охотничья собака Том, умный и всегда послушный четвероногий друг отца, от нетерпения оглушительно лаял.

Доставалось хлопот домочадцам и по возвращении отца с охоты с большими трофеями. В наши обязанности входила довольно утомительная порой обработка, отбор (по строгим указаниям отца) тушек птиц или шкурок зверей для изготовления чучел...»

Стоит ли удивляться, что Глеб Велижанин пошел по стопам отца?..

2

А. П. Велижанин проявил себя в отделе РГО не только сведущим орнитологом и искусным таксидермистом, но и способным организатором. Не случайно в июле 1912 г. он был избран членом Совета подотдела, а 16 марта 1913 г. – председателем Совета и оставался на этом посту до 15 июня 1934 г., то есть до закрытия, а точнее сказать – до разгона Алтайского отдела РГО²⁵. С усилением тоталитарного режима началась фальсификация истории страны, безмерное выпячивание роли большевистской партии, в первую очередь – И. Сталина, и труды краеведов, их находки могли этому только помешать.

В октябре 1919 г. А. П. Велижанин был призван в колчаковскую армию и назначен врачом в 445-й военно-эпидемический госпиталь.

²⁵ Алтайский отдел РГО был восстановлен лишь в 1957 г.

На Алтае вспыхнула эпидемия тифа и холеры, не щадившая ни военных, ни гражданских лиц. Она не прекратилась и после восстановления советской власти, а потому А. П. Велижанин был снова призван, на сей раз – в Красную Армию, в эпидемический отряд 26-й Златоустовской дивизии, вступившей в Барнаул 10 декабря 1919 г. Вскоре эпидемический отряд был преобразован в 448-й эпидемический госпиталь, в котором А. П. Велижанин прослужил до октября 1921 г.

Надо ли доказывать, что и при белых, и при красных он занимался одним и тем же делом – лечил людей? Тем не менее в его послевоенной анкете появилась зловещая запись: «Служил у Колчака». Служил не по мобилизации, а как бы по доброй воле. Нам теперь даже представить трудно, что означала тогда такая запись! А у Велижанина в анкете была еще и другая, похлеще: «В 1905–1907 гг. и в феврале-октябре 1917 г. состоял в партии кадетов».

Полного доверия к нему у советской власти не было с самого начала. Вот что говорится в его служебной характеристике, составленной не позже мая 1925 г.²⁶, заведующим губздравотделом А. Кульвановским:

«Опытный врач, честный работник, человек с характером. Иногда резок и высокомерен. Политически неграмотен и принципы советской политики как внутренней, так и внешней не вполне понимает.

В начале 1920 года относился критически к советской власти, теперь как будто начинает относиться лояльнее. Владеть собою не может.

Секретную работу поручать нельзя. К профсоюзной организации относится терпимо».

А вот что говорится в более поздней архивной справке, подписанной заведующим архивным отделом Алтайского крайисполкома П. А. Бородкиным:

«А. П. Велижанин характеризуется как социально-вредный элемент, подлежит увольнению, дважды исключался из союза «Медсантруд».

Числится в списках лиц, находящихся на особом учете в горздраве и НКВД. Секретную работу доверять нельзя».

Справка выдана не ранее 1961 г., ибо лишь в этом году П. А. Бород-

---

²⁶ 25 мая 1925 г. Алтайская губерния вошла в состав вновь образованного Сибирского края.

кин был назначен на вышеназванную должность. К тому времени, а точнее – 3 февраля 1959 г. А. П. Велижанин был уже полностью реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

В справке не указано, кому и по чьей просьбе она выдана. Возможно, краеведческому музею, решившему восстановить доброе имя своего многолетнего сотрудника. Но имена таких, как А. П. Велижанин, даже после реабилитации еще долгое время оставались под негласным запретом.

3

Впервые А. П. Велижанин был арестован органами ОГПУ 16 апреля 1933 г. Органам стало известно, что в доме садовода-селекционера Н. И. Давидовича нередко собираются его друзья и знакомые, в основном люди пожилые, из «бывших», и ведут антисоветские разговоры. Бывал там и А. П. Велижанин. На другой день после ареста, 17 апреля, он на допросе показал:

«...Мы вели разговоры в основном о политическом и экономическом положении страны. Все эти разговоры и выводы из них носили резко выраженный контрреволюционный характер. В результате пришли к выводу, что интервенция Японии неизбежна, а, стало быть, и восстание. Для организации власти должна выступить интеллигенция. Наша задача состояла в том, чтобы к грядущим событиям подготовить общее мнение интеллигенции путем индивидуальной обработки. Но я вскоре пришел к выводу, что интервенция принесет ужасы и бедствия стране и прекратил агитацию, выступил против интервенции...

Знаком с Раковским Х. Г.²⁷ Он был у меня в тубдиспансере 9 февраля. Опросил, кто арестован. Я ответил: «Давидович Николай

---

²⁷ Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941), болгарин, член ВКП(б) с 1918 г. До ареста – начальник одного из управлений Наркомата здравоохранения СССР. В 1928–1933 (?) гг. находился в ссылке в Барнауле. В марте 1938 г. был вновь арестован и, как участник сфальсифицированного чекистами «Антисоветского право-троцкистского блока», приговорен к 25 годам лишения свободы. 11–15 октября 1941 г. в связи с приближением немцев к г. Орлу были, по приказу из Москвы, расстреляны 16 политических заключенных местной тюрьмы, в том числе: Х. Г. Раковский, Ольга Давыдовна Каменева (сестра Л. Д. Троцкого), Мария Александровна Спиридонова (один из лидеров партии эсеров) и Сергей Яковлевич Эфрон (муж Марины Цветаевой).

Иванович». – «А кто еще из больших людей?» Я ответил, что весьма много интеллигенции, но фамилий не назвал.

Об окончании следствия мне объявлено».

Вполне вероятно, что эти «признания» А. И. Велижанин написал под диктовку следователя.

Члены «контрреволюционной группы» Н. И. Давидовича получили довольно мягкие наказания, в том числе и А. П. Велижанин: он был приговорен к пяти годам лагерей (условно).

Возможно, хотя в это слабо верится, чекисты решили пощадить его как хорошего врача. Вот что показали о нем в ходе реабилитации (1958) его бывшие коллеги:

Врач А. К. Поздняк, член КПСС: «А. П. Велижанин считался хорошим врачом-фтизиатром» (специалистом по лечению туберкулеза – В. Г.).

Врач железнодорожной больницы Г. А. Колпаков «А. И. Велижанин и М. П. Элисберг – хорошие, авторитетные специалисты».

Еще надо сказать, что до 1937 г. представители партий, враждебных большевистской, получали нередко довольно мягкие наказания. Потом их стали расстреливать чуть не всех подряд.

Вот и кадету А. П. Велижанину дали возможность еще несколько лет погулять на воле. Но в том же 1933 г. его постиг новый тяжкий удар: органами ОГПУ был арестован и приговорен к трем годам лагерей его 28-летний сын Глеб – надежда и гордость отца. К прежним компроматам бывшего кадета, осужденного по 58-й статье, А. П. Велижанина, добавился новый: «отец врага народа». С таким грузом уцелеть в 1937 г. было невозможно...

4

Напомню несколько цифр. Если за предыдущие 17 лет, с 1919 по 1936 г., на Алтае было репрессировано 11 751 человек, то в одном лишь 1937 г. – 14 183 человека!

В чем причина столь резкого скачка?

31 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило приказ № 00447 народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова «Об операциях по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

Этот приказ положил начало массовому террору в нашей стране. Исследователи называют две причины его появления. Первая

причина: в декабре 1937 г. и начале 1938 г. предстояли первые, по новой, «Сталинской», Конституции, всеобщие, прямые и равные выборы в Верховный Совет СССР, республиканские и местные советы. И чтобы подстраховаться от нежелательных случайностей со стороны «социально-чуждого элемента», ранее не имевшего права голоса, решено было устроить ему, а заодно и всему населению, основательную прополку.

Другая причина была, в общем-то, сродни первой. В связи с надвигавшейся угрозой войны с Германией и Японией сталинское руководство задалось целью выявить, изолировать, а частью физически уничтожить не только явных, но даже потенциальных врагов советской власти. Заодно исключить всякую возможность появления в стране «пятой колонны», то есть шпионов и диверсантов. А чтобы это важное государственное дело не было пущено на самотек, краевым (областным) управлениям НКВД устанавливался... лимит на аресты!

Да, да, самый настоящий лимит, подобный тем, что устанавливаются, к примеру, на отстрел зверя или птицы. Только, в отличие от охотничьих, лимит на аресты людей превышать не только не запрещалось, но и поощрялось, а за невыполнение можно было поплатиться не только должностью, но и головой. Так, начальник управления НКВД по Алтайскому краю С. П. Попов сразу отличился: в дополнение к выделенному лимиту на арест 4 000 человек запросил у Н. И. Ежова еще на 3 000 и получил его!..

Стоит ли удивляться, что между краевыми (областными) управлениями НКВД, районными их отделами началось своего рода соревнование – кто больше выявит «врагов народа», то есть кто больше арестует!

В это с трудом верится, этому нет примера в истории, но в нашем Отечестве так было, читатель...

Каждодневные непредсказуемые аресты породили в стране обстановку всеобщего страха, подозрительности, доносительства. Шпионов, диверсантов, вредителей выискивали даже пионеры, а коммунистам и комсомольцам – это вменялось в обязанность. Следствие по арестованным тем же приказом № 00447 предписывалось вести «упрощенным способом». Практически задача следователя сводилась к тому, чтобы принудить обвиняемого подписать сочиненный самим же следователем протокол допроса

с «признательными» показаниями. По существовавшим тогда юридическим нормам для подтверждения вины арестованного вполне достаточно было его признания, то есть подписи под соответствующим протоколом допроса. А выбивать подписи чекисты умели. Для производства суда над обвиняемыми при краевых (областных) управлениях НКВД учреждались тройки в следующем составе: первый секретарь крайкома (обкома) ВКП(б) – председатель, краевой (областной) прокурор и начальник краевого (областного) управления НКВД. Судила тройка тоже «упрощенным» способом: без вызова свидетелей и даже самого подсудимого, без участия защиты и обвинения. Втроем, за один, как говорится, присест, тройка решала судьбы десятков людей. Приговоры ее были двух видов: расстрел с конфискацией имущества или 5–10 лет лагерей. Жалобы на приговор запрещались. Надеюсь, нет надобности рассказывать об этом подробнее.

Так же «судило» и особое совещание (ОСО) при НКВД СССР. Была еще третья судебная инстанция: выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР. Но, хотя на нее обвиняемые вызывались (приводились под конвоем), судом это назвать тоже нельзя: он продолжался 10–15 минут на каждого подсудимого и заканчивался чаще всего смертным приговором, который обжалованию не подлежал и приводился в исполнение в тот же день.

5

Однако вернемся к А. П. Велижанину.

В Барнауле выполнение приказа № 00447 началось с фальсификации так называемой «кадетско-монархической контрреволюционной организации», якобы связанной с зарубежным «Российским общевоинским союзом» (РОВС).

На помощь местным чекистам из Новосибирска, из краевого управления НКВД, прибыла группа следователей во главе с капитаном госбезопасности С. П. Поповым, будущим начальником управления НКВД по Алтайскому краю (образован 28 сентября 1937 г.).

Он и провел с будущими своими подчиненными «мастер-класс» (кажется, так это теперь называется?). Сделал это просто и наглядно. Потребовал списки «социально-чуждого элемента», некоторых вычеркнул, остальных приказал арестовать. Так, в

одну ночь на 20 июня 1937 г. в подвале горотдела оказалось сразу 80 человек, в их числе и А. П. Велижанин. Затем С. П. Попов взял лист ватмана и на глазах у всех «создал» контрреволюционную организацию в Барнауле: руководителем ее записал царского полковника А. И. Шереметьева, заодно произведя его в генерал-майоры, членами штаба – бывшего городского голову В. Я. Бирюкова, преподавателя химии учительского института, бывшего эсера К. Е. Бекаревича, епископа М. В. Дагаева, полковника царской армии В. П. Войнич-Сяноженского, учителя математики 42-й школы, бывшего члена IV Государственной Думы эсера А. И. Шапошникова; этой чести удостоился и А. П. Велижанин.

Остальных арестованных С. П. Попов быстренько расписал по «повстанческим отрядам», указав стрелками, кто кого завербовал, и, свернув лист в трубку, протянул его прибывшему с ним следователю Толмачеву:

– Передайте всем следователям: в разрезе этой схемы добиваться признаний у арестованных!

Не подумайте, читатель, что все это – плод моей фантазии. Я просто пересказал показания бывшего начальника Барнаульского горотдела НКВД К. С. Жукова, очевидца этого события.

Так или примерно так чекисты «вскрывали» и другие «контрреволюционные организации».

И на первый взгляд, удивительно, что обвиняемые, допрошенные в «разрезе» сочиненной С. П. Поповым схемы, во всем признавались на первом же допросе! Так, глухой и полуслепой В. Я. Бирюков, давно, по словам жены, не отлучавшийся дальше огорода, «признался», что сформировал повстанческие отряды в пяти районах края; А. И. Шапошников проделал то же самое в шести районах; М. В. Дагаев вовлек в организацию почти всех уцелевших к тому времени от арестов священнослужителей Барнаула; не отстал от них и А. П. Велижанин: он «создал» в Барнауле четыре карательных отряда и диверсионную группу!..

И во всех этих тяжких преступлениях они признались на первом же допросе, причем без предъявления каких-либо улик!

А они и не требовались. В то время, как уже говорилось, для доказательства вины подсудимого вполне достаточно было его признания, то есть подписи под соответствующим протоколом допроса.

Как эта подпись была получена у А. П. Велижанина, показал на допросе в ходе реабилитации все тот же К. С. Жуков:

«...Зашли мы с Поповым в кабинет, где допрашивался Велижанин и увидели, что на столе у следователя Старосельникова лежит отпечатанный протокол допроса, еще не подписанный. Велижанин заявил нам, что следователь держит его на ногах в течение трех дней и требует подписать протокол допроса, который составлен не с его слов и содержит вымысел. В ответ Попов сказал: «Ничего, никуда не денешься, подпишешь!»

И мы вышли из кабинета».

В медицинском свидетельстве А. П. Велижанина, оформленном еще в 1933 г., при первом аресте, сказано: «Функциональное расстройство нервной системы в редкой форме. Туберкулез легких. Миостения сердца. Дистрофия правой кисти руки. Неврастения».

Вряд ли четыре года спустя здоровье 62-летнего старика улучшилось. Скорее – наоборот. А выстоять несколько суток на ногах и здоровому человеку не под силу! Распухают ноги, лопаются мелкие кровеносные сосуды, причиняя невыносимую боль. Можно ли обвинять Велижанина в том, что он подписал протокол допроса?..

Без сомнения, тем же или еще более жестоким способом были выбиты подписи и у других членов мифического штаба.

Постановлением тройки при управлении НКВД по Западно-Сибирскому краю от 22 августа 1937 г. все члены «штаба», в том числе Андрей Петрович Велижанин, были приговорены к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 2 сентября 1937 г. в Барнауле.

Всего, по словам самих чекистов, по делу «РОВС» в Западно-Сибирском крае было репрессировано до 15 тысяч человек. Большинство их погибло.

Расследованием, проведенным в 1959 г., установлено, что это «дело» полностью сфальсифицировано органами НКВД. В том же году все осужденные по нему были полностью реабилитированы.

6

Судьбу отца повторил его сын Глеб. Он родился 30 апреля 1905 г. в Усть-Каменогорске. В 1928 г. закончил гимназию и

биологическое отделение физико-математического факультета Томского университета. Вот какой отзыв дал о нем профессор университета В. Хакин:

«За время учебы Глеб Андреевич Велижанин дважды принимал участие в экспедициях под моим руководством, где проявил большой интерес, любовь и знание дела. Безусловно, является одним из очень ценных работников, которому с полной уверенностью в успехе может быть поручено исследование фауны Бахмутовского заказника.

Глеб Андреевич чрезвычайно интересуется Барнаульским краем и готов отдать на его изучение и развитие все свои силы, что делает его уже незаменимым работником в условиях Барнаула».

Не менее лестно характеризуется Глеб Велижанин и в справке Алтайского отдела РГО от 2 апреля 1930 г.:

«Гражданин Велижанин Г. А. состоит членом-сотрудником Алтайского отдела РГО. В 1923 г. был участником экспедиции под руководством А. П. Велижанина (своего отца – В. Г.) в верховья речки Барнаулки. Собрал 300 шкурок птиц.

В 1925 г. совершил самостоятельную поездку в район села Большие Ракиты для наблюдения за пернатыми.

С сентября 1924 г. по 11 сентября 1925 г. был препаратором зоологических экспонатов при музее.

В 1928 г. по поручению Алтайского отдела РГО совершил двухнедельную поездку по степи и бору между Бийском и Барнаулом и представил 110 шкурок птиц и 20 шкурок млекопитающих, а также много ценных записей и наблюдений.

Опубликовал в журнале «Uragus» статью. За последние два года сделал три доклада о своих научных поездках. Неоднократно жертвовал музею чучела птиц.

Зам. председателя совета АО РГО (Ф. Харкеевич).
Секретарь (Г. Д. Няшин)».

Возможно, эти лестные характеристики послужили основанием для того, что сразу после окончания университета он был назначен на довольно ответственную должность.

Из воспоминаний М. Д. Зверева²⁸:

«В 1928 г. Наркомзем СССР настаивал на прекращении промысла хорьков, поскольку они уничтожали сусликов, наносивших огромный вред посевам. Но Внешторг настаивал на их промысле, и Совнарком поручил трем институтам защиты растений: на Украине, Северном Кавказе и в Западной Сибири изучить эту проблему в течение трех лет.

Сибирский институт защиты растений три года изучал значение хорьков в сельском хозяйстве. Между Барнаулом и Камнем-на-Оби был организован спецзаказник площадью 20 тысяч гектаров. Заведующим спецзаказником был назначен молодой специалист Глеб Андреевич Велижанин. В селе Ильинка (Тюменцевского района – В. Г.), в просторном деревянном доме расположилась база этого заповедника. Дружный энергичный коллектив, находившийся в ведении Г. А. Велижанина, состоял из лаборантов-зоологов Ю. А. Климова, Е. А. Кричмана, двух ботаников и двух конных объездчиков, охранявших территорию заказника.

Недалеко от Ильинки, на реке Оби, находилась пристань, где ежедневно швартовались рейсовые пассажирские пароходы «Барнаул – Новосибирск».

Глеб Велижанин, кроме организационной работы, вел изучение размеров роли хорьков в уничтожении сусликов и одновременно изучал фауну, до того времени не изученную в этом районе Сибири.

Из интересных находок им были обнаружены здесь крупные птицы азиатских пустынь и горные грифы. Одного Глеб Велижанин добыл, и я сфотографировал его с ним верхом на коне.

Летом приезжала младшая сестра Глеба – Элла (Калерия²⁹ – В. Г.), веселая и шумливая. Когда своей разговорчивостью она мешала Глебу, он строго кричал:

– Элла, замолчи!

Это было так часто, что запомнилось мне до сих пор.

²⁸ Зверев Максим Дмитриевич (1896–1996), писатель-натуралист, крупный ученый-зоолог, уроженец Барнаула. В 1923 г., по окончании Томского университета, работал научным сотрудником Сибирского института защиты растений (СИБИЗР) и Новосибирского зоопарка. С 1937 г. – в Алма-Ате, основатель Алма-Атинского зоопарка и заповедника, многолетний их руководитель.

²⁹ В протоколе допроса Г. А. Велижанина от 4 декабря 1937 г. значится: «Сестра Калерия в сумасшедшем доме». Не стала ли причиной этого трагедия с отцом и братом?..

Кроме обычных тушек птиц и зверьков заказника, Глеб изготовил великолепные чучела многих птиц, настолько похожих на живых, что мы поставили на лугу пять чучел куликов-турухтанов и фотографировали их, как живых. Фото у меня сохранилось.

После окончания работ Глеб Велижанин уехал в Барнаул, и больше мы не встречались.

Его фамилия упоминается в следующих работах:

1. Известия Сибирской краевой станции защиты растений. Зверев М. Изучение хоря в Сибири. Новосибирск, 1930.

2. Там же, № 1 – 1931. Зверева О. Н. Ботаническое описание хорькового заказника.

3. Там же. Материалы по биологии и сельскохозяйственному значению хоря.

8

Как же этот молодой человек, всецело преданный науке и далекий от политики, вдруг оказался «врагом народа»?

Не вдруг, читатель.

В январе 1933 г. чекистами Западно-Сибирского края была сфальсифицирована крупная «белогвардейская повстанческая организация». По обвинению в принадлежности к ней только в Барнауле было арестовано 86 человек, в основном из «социально-чуждого элемента». Одним из них оказался и «сын кадета» Глеб Велижанин, арестованный 23 марта 1933 г. Другой вины перед советской властью за ним не было, может, потому и наказание получил не очень большое: три года исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал на Беломорканале. Освобожден досрочно в 1935 г.

По возвращении в Барнаул работал энтомологом на малярийной станции. Один из сотрудников станции, Н. В. Клементовский, в 1955 г., в ходе реабилитации, показал:

«Глеб Велижанин был довольно замкнутым, скрытным человеком, малообщительным со служащими станции. Специальность знал. Работал добросовестно».

Причину его замкнутости и малообщительности понять нетрудно. Как еще мог вести себя в те годы человек, только что отбывший срок по 58-й «политической» статье? К тому же он знал, и другие знали, что у чекистов он, как «меченый», оставался «на крючке», они следили за каждым его словом, каждым шагом, и от него лучше

было держаться подальше, чтобы самим не попасть на заметку органам. Такие были времена...

20 июня 1937 г. вторично был «взят по линии НКВД» его отец, и Глеб Велижанин понял, наверное, что он тоже обречен на новый арест. Предчувствие его не обмануло...

В октябре 1937 г. чекисты «вскрыли и ликвидировали» (читай: сфальсифицировали) в Барнауле и прилегающих районах очередную «фашистско-шпионскую террористическую организацию», объединявшую якобы врачей «старой школы» (с дореволюционным стажем работы). По версии чекистов, эта организация «по заданию японской, германской и польской разведок вела, «в целях ослабления советского тыла, подготовку бактериологической диверсии, а также терактов против партийно-советского руководства» (так сказано в «Обвинительном заключении»).

По обвинению в принадлежности к этой организации в Барнауле были арестованы 24 врача, примерно, каждый четвертый из работавших в городе.

Взяли лучших из лучших. Барнаульские старожилы, вспоминая врачей довоенной поры, чаще других называли Александра Ивановича Смирнова, Александра Павловича Киркинського, Нила Михайловича Руднева. Все трое были выпускниками Томского университета, по окончании которого безвыездно жили и работали в Барнауле. У них, можно сказать, лечился весь город, к ним привозили больных из дальних сел и деревень. Они вели прием на дому, ходили по вызовам, никому, говорят, не отказывали, хоть среди ночи позови. Считали это святым долгом врача, а во всем, что касается долга и чести, они, люди старой школы, были весьма щепетильны.

Немало добрых слов можно сказать и о других врачах, ставших жертвами сталинских репрессий. Каково же было изумление барнаульцев, когда эти уважаемые, столько добра сделавшие люди оказались «врагами народа»?

К «Делу врачей», не иначе как для массовости, чекисты «пристегнули» еще 21 человека из «социально-чуждого элемента» – бывших эсеров, царских чиновников, кулаков и пр. В их числе оказался и Глеб Велижанин как «сын видного кадета».

В ходе реабилитации выяснилась истинная причина интереса чекистов к барнаульским врачам «старой школы». Они жили в городе давно, в дореволюционные годы занимались частной практикой,

то есть принимали больных на дому, а потому квартиры или дома у них были просторные. И начальник краевого управления НКВД С. П. Попов решил за их счет решить жилищную проблему для своих вновь прибывших сотрудников. При этом и себя не забыл: вселился в прекрасную квартиру врача А. П. Киркинського, вышвырнув среди зимы его семью на улицу.

В квартиры (дома) других арестованных врачей вселились чекисты П. Р. Перминов, И. Я. Юркин, И. К. Лазарев, В. Г. Крючков и др. Об этом, а также об истинных причинах ареста врачей «старой школы» показал позже на допросе чекист М. Л. Шорр, секретарь С. П. Попова.

Глеб Велижанин был арестован 14 ноября 1937 г. и уже на первом (на первом ли?) допросе, состоявшемся 4 декабря, через 20 дней после ареста, «признался», что является участником контрреволюционной организации, в которую вовлек его в конце 1936 г. заведующий больницей водного транспорта Н. П. Сокол-Черниловский.

Об этом «вербовщике» стоит немного рассказать. Николай Павлович Сокол-Черниловский родился в 1890 г. в Харькове, в семье дворянина. В 1911–1914 гг. учился в Лембергском университете (Австрия), закончил образование в 1922 г. на медицинском факультете Томского университета.

В апреле 1933 г. он был арестован органами ОГПУ и осужден к пяти годам исправительно-трудовых лагерей по одному делу с Глебом Велижаниным. Срок тоже отбывал на Беломорканале и тоже освобожден досрочно.

Вторично он был арестован 4 декабря 1937 г. Причину его ареста опытный читатель назовет без труда: а) дворянин, б) жил за границей, в) служил у Колчака.

Последний «компромат» отмечен в анкете, но кем служил – не указано.

9

В чем же еще «признался» Глеб Велижанин?

Вот выдержка из его первого и единственного протокола допроса, проведенного, как уже говорилось, 4 декабря 1937 г.:

«Вопрос: Вы арестованы как участник контрреволюционной фашистско-диверсионной организации. Признаете себя виновным?»

Ответ: Да, признаю (заметьте: сразу, без предъявления каких-либо улик! – В. Г.) В организацию завербован в начале 1936 г. заведующим больницей водного транспорта Сокол-Черниловским Николаем Павловичем.

Вопрос: Когда вы вступили на путь борьбы с советской властью?

Ответ: Мой отец – бывший кадет с реакционно-монархическими взглядами. Будучи настроен враждебно к советской власти и ВКП(б), я вступил в контрреволюционную организацию.

Вопрос: Расскажите об обстоятельствах вербовки.

Ответ: После освобождения из лагеря мое отношение к существующему строю не изменилось. Стал искать встреч с лицами одинаковых убеждений. В начале 1936 г. встретился с Сокол-Черниловским. Он тоже был осужден в 1933 году на пять лет и тоже досрочно освобожден. Сокол-Черниловский сообщил мне, что в Барнауле есть подпольная контрреволюционная организация, возглавляемая врачом А. И. Смирновым, и предложил мне связаться с ним. От Смирнова я получил задание: в случае интервенции Германии или Японии свои поездки по Алтаю, а также самолет, имеющийся на станции для борьбы с комарами, использовать для рассеивания бактерицидных живых культур в населенных пунктах, на пастбищах и т. д. А в мирное время заниматься вербовкой новых лиц в организацию из числа недовольных советской властью.

Выполняя эти указания, я завербовал заведующую малярийной станцией врача Романовскую, которую намечал использовать как непосредственную исполнительницу по распространению инфекционных заболеваний».

На этом «следствие» было закончено.

В «деле» нет протокола допроса врача Романовской (имя и отчество не указаны). Нет ее и в справочнике «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае». Возможно, чекисты оставили ее «про запас» – для другого «дела».

В «Обвинительном заключении» о Глебе Велижанине сказано:

«Вину признал. Кроме того, изобличен показаниями врачей А. И. Смирнова, Н. П. Сокол-Черниловского, С. П. Покровского, В. В. Вергунова и др.».

Надеюсь, нет надобности объяснять, как «изобличили» Глеба Велижанина названные выше врачи? Им просто вписали его фамилию в их «признательные» показания, сочиненные, как и

«признания» Глеба Велижанина, следователями-чекистами. Это подтвердил на допросе в ходе реабилитации чекист А. С. Горбунов: «Показания врачей писались нужные следователю независимо от того, соответствовали они действительности или нет».

Яснее не скажешь!

Судебная тройка при управлении НКВД по Алтайскому краю рассмотрела «дело врачей» в три приема: 24 ноября, 8 и 9 декабря 1937 г., для чего осужденные были разделены на три группы. В общей сложности из 52 человек 43 были приговорены к расстрелу (в их числе и Глеб Велижанин), остальные – к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Смертный приговор был приведен в исполнение в Барнауле также в две очереди: 10 и 27 декабря. Велижанин оказался во второй очереди.

8 мая 1956 г. все осужденные по «делу врачей» были полностью реабилитированы «за отсутствием состава преступления».

Судя по всему, Глеб Андреевич Велижанин со временем мог бы вырасти в крупного ученого-зоолога. Но он был подстрелен на самом взлете. Да разве он один?..